

Статья о никудышном качестве ремонта старой панельной хрущёвки, признаться честно, была не блестящей. Редактор городской газеты Печорин, на стол которого я положил своё «творение» из пары страниц, распечатанных на принтере, недовольно пробурчал:

— Написано без вдохновения... Лишь бы отделаться...

Я молча пожал плечами и вышел из кабинета.

Вдохновение! Где ж ему быть? Двадцать тысяч рублей зарплаты корреспондента (триста долларов в месяц) не вдохновляют выдавать шедевры об открытии нового супермаркета, об очередях в горбольнице, о конкурсе поваров, о выступлении самодеятельного хора фольклорной песни или о футбольном матче дворовых команд.

На улице моросил дождь. Самое время сидеть в пивной на толстой дубовой лавке, не торопясь потягивать светлое «Жигулёвское», сдувая с него пенку, шелушить орешки, попыхивать сигаретой, оставшейся после скучной работы над никчёмной статьёй, и набираться вдохновения, чтобы, отбросив всё мирское, засесть, наконец, за написание давно задуманного романа «Атака века» о подводнике Александре Маринеско.

Накрывшись зонтом, я раздумывал, заглянуть в поисках вдохновения в «Хмельнушку» или купить банку сайры и сварить рыбный суп. Я сунул руку в карман куртки и пошелестел пятисотенной купюрой: негусто! Однако на пару

кружек пива и пакетик солёных орешков к нему, на пачку дешёвых сигарет «Максим» вполне хватит. Вспомнилось, что дома есть буханка чёрствого хлеба, кусок засохшего сыра, недопитая бутылка молока, шматок сала, немного картофеля и две-три луковицы, полпакета сахара и растворимый кофе.

«До аванса три дня... Обойдусь без сайры», — решил я, и ноги понесли меня в «Хмельнушку».

Несмотря на унылую погоду, в пивной было всего несколько молодых людей, по всей видимости, студентов, шумно споривших о какой-то компьютерной программе. В дальнем углу за искусственной пальмой я разглядел Владлена Горюнова. Пару лет мы вместе «гнали строку» в редакции «Утренних новостей». Статьи Владлена часто вызывали нарекания читателей за допущенные в них ошибки. Его любимым занятием было расхаживать по кабинету, философствуя об искусстве, и поливать при этом цветы из маленького чайника-заварника. Владлен воображал из себя человека неординарного, со скрытым талантом, с «искрой Божьей», готовой в один прекрасный день вспыхнуть ярким пламенем и озарить его на создание шедевра. Журналистов «Утренних новостей» он пренебрежительно, с чувством превосходства, называл бездарными строчкогонями, борзописцами, пустяшными бумагомарателями. Год назад Печорин, новый редактор «Утренних новостей», уволил Владлена за профнепригодность.

Мой бывший коллега с глубокомысленным видом отрешённо сидел наедине со своими, вероятно, очень важными, думами. На гладкой дубовой столешнице, кроме тяжёлой мраморной пепельницы, перед ним не было ничего, что могло бы скрасить его одухотворённое одиночество: ни пивной кружки, ни вяленой воблы, ни сухариков. Ничего! Судя по всему, он был далёк от насущных проблем и мирской суеты, грезил о чём-то возвышенном. Его душа парила в облаках в окружении знаменитых художников, поэтов, писателей, драматургов, скульпторов, композиторов. Где-то среди этих непревзойдённых мастеров культуры должно воссиять неизвестное доселе имя Владлена Горюнова. Официант не обращал на него внимания, привычно полагая, что от людей «творческих», заходящих в «Хмельнушку», заказа, а тем более чаевых, ждать нечего. Проходя к столу студентов с подносом, заставленным

кружками пива и тарелками с хлебом, с копчёной селёдкой, он локтем нечаянно задел мечтателя. Владлен встрепенулся, проводил страждущим взглядом проплывший мимо поднос, отвернулся с тоской в печальных глазах, отражавших горечь, отчаяние, мольбу, надежду. Он увидел меня, его удручённый взгляд потеплел, оживился, но, видимо, не желая выходить из образа человека одарённого, наделённого талантом от Бога, изобразил на бледном лице равнодушие и смертельную усталость от мысленных исканий самого себя в искусстве. Я знал, что Владлен мучительно страдает от неизвестности: в каком виде искусства проявится его скрытый до поры до времени талант?

— Здорово живёшь, приятель! — присаживаясь рядом, приветствовал я его.

Владлен испытующе посмотрел на меня, словно пытался открыть во мне что-то значительное для него. После раздумий уныло спросил:

— Не угостишь сигаретой?

Я помедлил с ответом, рассчитывая единственную сигарету закурить самому. К тому же у курильщиков есть неизвестно кем и когда надуманное правило: не брать последнюю сигарету. Предложу её и поставлю просителя в неловкое положение.

— Н-нет,— смущённо ответил я.

Владлен ухмыльнулся с явным разочарованием, погружаясь в глубокую задумчивость, словно решал в уме сложнейшую математическую задачу. Наверняка проникался творческим вдохновением. Я понимал его, мне ведь тоже не доставало наития свыше.

Хозяин и посетители пивного заведения знали Владлена как «человека искусства»; правда, им не удалось выяснить, какого именно, поскольку завсегдатай «Хмельнушки» ещё ничего не создал. В какой-то момент нашего обоюдного молчания мне показалось, что к моему бывшему коллеге наконец-то пришло долгожданное вдохновение, и я подавил в себе желание заказать пива, вяленого кальмара и пачку сигарет. Я решил не мешать человеку, внимающему посетившим его музам. Отвлечь Владлена от мира грёз банальным распитием пива с поглощением закуски было бы непростительной ошибкой. Настоящие художники такого не прощают. Быть может, именно

сейчас нашёл он то, чему посвятит жизнь. А он, скорее всего, и в самом деле родился, чтобы творить, создавать удивительные вещи в поэзии, прозе, драматургии, живописи или ещё Бог знает в чём. Его внешний вид располагал к тому: жидкая борода, длинные волосы стянуты резинкой в пучок на затылке, тощая фигура, запавшие глаза, смотрящие с намерением проникнуть в самую суть неизведанных вещей, клетчатый мятый пиджак с заплатами на рукавах, небрежно наброшенный на худые плечи, сорочка не первой свежести, затёртый галстук. Что и говорить, «артистический» образ одного из представителей «одухотворённых людей искусства»! Ко всему, что окружало Владлена, он пытливо присматривался: к официанту, к подносу в его руках, к студентам, заедавшим пиво жирной селедкой, к пешеходам, выходящим из супермаркета с полными сумками продуктов, к лотошнице, торгующей пирожками. Как знать, может, Владлен и есть истинный художник, божьего в нём с избытком. Работы не признаёт никакой, живёт впроголодь, о бренном своём теле, об одежде не заботится. Сегодня жив — и слава Богу! Хоть и томим непреходящей тоской.

Я с любопытством наблюдал за ним. О чём грезит Владлен, о чём так сосредоточенно размышляет? Вдруг и впрямь его посетило вдохновение, на котором возрастёт долгожданный шедевр: картина в дорогом золотом багете, книга в изящном переплёте с проникновенными стихами, услаждающая слух музыка, — и ему, как всякому художнику, не терпится сейчас поделиться творческими исканиями, рассказать, какие замыслы волнуют его? Я достал из пачки единственную сигарету и протянул ему.

— Ну вот, а говорил, нет, — с благосклонной улыбкой произнёс Владлен.

— О чём думаешь, Влад? — как можно более непринадёжно спросил я.

— Да есть одна думка, — после глубокой затяжки ответил Владлен. — Но это так... Пока не всё ясно... Ты помнишь, что сказал Печорин?

— Редактор «Утренних новостей»? Когда увольнял тебя?

— Да нет... Какой, к чертям, редактор?! — презрительно махнул рукой Владлен. — Лермонтовский Печорин из романа «Герой нашего времени».

— А, ну да... Много чего сказал Михаил Юрьевич устами своих героев. Что имеешь в виду?

— Лермонтов пишет: «...спрашиваю себя невольно: зачем я жил? Для какой цели родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...» Да не о том разговор... Не поверишь... Три дня ни крошки не съел... Сгину, как пить дать... До чего примитивно устроен мир! От куска хлеба зависит судьба творения!

Мне по-человечески стало жаль его. Быть причастным к гибели «человека искусства», а вместе с ним и возможного гениального произведения, я не мог себе позволить. Он по-настоящему испытывал муки голода. Его рука, подносящая ко рту сигарету, дрожала. Я понял, что смятую в кармане пятисотку придётся отдать. Он взял деньги, на его бледном лице вспыхнул румянец.

— Отдам при первой возможности,— сказал он тоном, полным сокровенного смысла.— Вот напишу увлекательный рассказ в журнал... в «Искатель»... Нет, лучше в «Юность»... Или в «Наш современник». Получу гонорар и верну долг.

Я был уверен, что никогда не вернёт. Трудно написать хороший рассказ, но ещё труднее напечатать его. А случится такое невероятное событие в жизни Владлена — редакция гонорар не заплатит. В лучшем случае пришлёт один-два экземпляра журнала. Я не стал убеждать Владлена в том, что нынешние писатели сами платят деньги за публикацию своих опусов.

— Удачи тебе, приятель! Творческих успехов! — пожелал я Владлену.

Я не знал, на что завтра куплю сигареты, и отправился домой на скудный ужин. Я дал себе зарок: в «Хмельнушку» больше ни ногой! Получу аванс, куплю пива, креветок, сигарет и посижу в одиночестве дома. И, несомненно, проснётся во мне давно дремлющее чувство писателя. Озарит вдохновением, и я положу перед собой чистый белый лист будущего романа «Атака века» о подводнике Александре Ивановиче Маринеско, командире ПЛ «С-13», потопившей тридцатого января 1945 года фашистский лайнер «Вильгельм Густлофф».